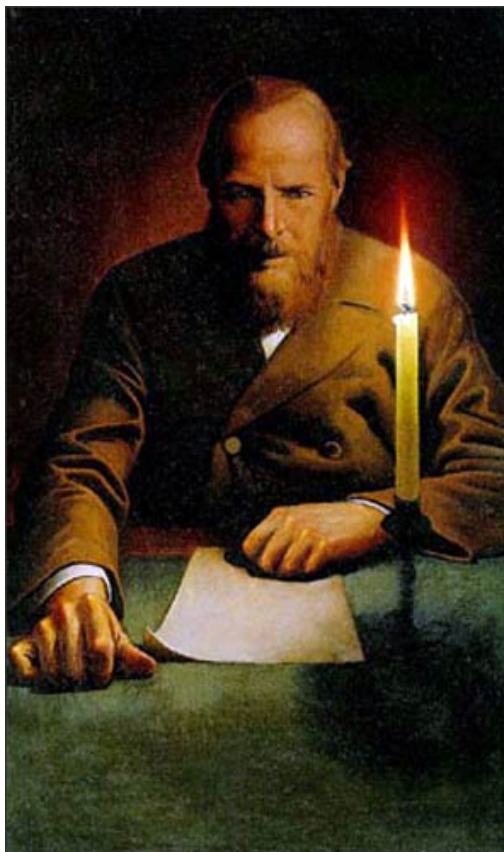

Игорь Бестужев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ДОСТОЕВСКОГО И ЕГО ВРЕМЯ

Наряду с художественными произведениями творчество Ф.М. Достоевского включает политическую публицистику – важную и недооцененную часть его наследия. Синтетическая личность великого писателя, глубокий психологизм и философский склад ума (на русский манер, без систематичности) сделали его международные обзоры и описания внутренних событий важным источником изучения русской жизни второй половины XIX века. Кроме того, существенны и приобретают неожиданную актуальность идеологические обобщения Достоевского, выходящие за рамки текущих событий. Все это было представлено в его журнале «Время» (1861) и особенно в «Дневниках писателя» за 1873,76,77 и на рубеже 1880-81гг., опубликованных в журнале князя Мещерского «Гражданин». Разнообразные темы: Россия после Петра I, реформы шестидесятых годов XIX века, интеллигенция и либерализм, свойства русского характера, самостоятельные обобщения европейской истории, кризис демократии в Европе, геополитические проблемы... – всё подвергалось анализу с позиций особого рода

консерватизма, выделявшего Достоевского среди круга его единомышленников. Не вдаваясь в подробности, писатель оставил ряд своеобразных формулировок по расовым вопросам, выделив роль «великого арийского племени» в мировой истории и культуре.

В идеологическом раскладе сил в России 2-й половины XIX века Достоевскому принадлежит особое место. Он не был ни славянофилом, ни западником, критикуя первых за идеализацию допетровской Руси, вторых – за непонимание русских особенностей. Консервативно-охранительная позиция также не вполне соответствовала убеждениям писателя. Достоевский ясно видел недостатки русского характера и русской жизни. Обобщая важнейшие внутренние и европейские события, он сделал ряд дальновидных и точных прогнозов.

Интересна характеристика Достоевского его работодателем и другом князем Мещерским: «Мы все были маленькими перед его грандиозной личностью консерватора... Апостол правды во всем, в крупном и в мелочах, Достоевский был, как аскет, строг, и как неопит, фанатичен в своем консерватизме... И тут какая оригинальность в сопоставлении того, чем был Достоевский, с тем, чем он слыл для массы русского интеллигентного люда, искавшего в нем благодаря его эпохе какого-то фетиша либерально-революционной партии... Этих-то своих поклонников Достоевский ненавидел. Он умел ненавидеть, это была черта его духовной личности, которую я вообще встречал в людях редко, а в консерваторах и подавно... У Достоевского ненависть, как у всех апостолов, была неизбежным последствием избытка любви к идеалам и к правде... В ненависти его к революционерам было два двигателя: за вред, который они приносили народу и за ложь в их проповедничестве... Не было человека добрее Достоевского. Он готов был все отдать: жизнь и последний грош на помощь другому...».

К этому следует добавить, что консерватизм писателя не ограничивался верностью наследию прошлого. Исторически преходящие учреждения и обычаи он критиковал, когда они не согласовывались с его понятием о сути гражданского прогресса. – Ложный прогрессизм либералов Достоевский остро высмеивал. Он подмечал пороки русского характера, призывая к их преодолению рядом образовательных и воспитательных мер. Однако это не мешало ему идеализировать русского человека, не всегда заботясь о логическом соответствии высказываний, сделанных в разное время.

Это наглядно проявилось в отношении писателя к отмене крепостного права и к реформам 60-х годов. Достоевские неоднократно возвращался к этой теме, освещая ее со всех сторон. В 1873г. он писал: «Мы переживаем самую смутную минуту из всей истории русского народа», заметив, что старый порядок имел хорошие стороны, а затем наступило «новое рабство». – «С освобождением

крестьян труд остался без достаточной организации и обеспечения. Всё погибло: деревня и землевладение, и дворянство, и Россия... Личная поземельная собственность в полнейшем хаосе, продается и покупается, меняет своего владельца поминутно... За кем останется окончательно – это трудно предсказать». Достоевский все же называет возможных победителей в этом омуте продаж и покупок: «Жиды становятся помещиками и... умерщвляют почву России». Значительную часть вины в процессах обезземеливания писатель относил к самому дворянству: русские «крепостники» продавали крестьян и ехали в Европу «издавать социалистические журналы, а наши Рудины умирали на баррикадах».

Через восемь лет Достоевский обобщал: «Весь этот мерзостный грех наш упразднился разом по великому слову Освободителя... Крепостное право мешало всему, даже правильному развитию земледелия... Тем не менее законы природы нельзя миновать, и потрясение вышло большое... В земледелии мужик съехал прямо на минимум того, что могла дать ему земля... Всё прежнее барское землевладение упало до жалкого уровня и началось перерождение всего бывшего земледельческого сословия в интеллигентный народ».

Однако, несмотря на свой скептицизм, Достоевский критиковал неверие в политику освобождения крестьян лицами консервативно-дворянского направления, например, писателем В.Г. Авсеенко. Неожиданно в эту обличительную критику попал западник Грановский. Обоих писатель обвинил в пренебрежении к русскому крестьянину, будто бы незрелому до самостоятельной роли в собственном освобождении, отчего и произошли многочисленные послереформенные неурядицы. Достоевский подтверждал свою позицию историческими аналогиями: «Крепостники» обвиняют народ, который двести лет был пассивен, бит палками и груб нравами, и потому в простодушии характера поверил в пользу освобождения». Русский крестьянин, в отличие от французского или немецкого, освобожден с землей, и он «сохранил твердую сердцевину, которая защитит его от всех излишеств и уклонений», считал Достоевский.

Этой вере в незыблемые свойства русского народа писатель не изменял всю жизнь, высказывая все же сомнения в реализации крестьянской реформы. В Европе, писал он в начале 1881г., всё развивалось постепенно, и революция завершила феодальные отношения «культурно и исторически... У нас же железнодорожники и жид владеют экономическими силами» и вопрос в том, уживется ли «единоличное, частное землевладение рядом с мужичьим на здоровой основе, а не на пролетариате и кабаке». Здесь выражено двойное сомнение – в будущем земельного дворянства и в способности русского крестьянина к самостоятельному хозяйствованию, то есть вне общины. Наблюдая за событиями в крестьянском мире после февраля 1861г., Достоевский пришел к выводу, что «вопрос об общине не решен в России окончательно».

В этом и была вся суть. Крепостное право органически включало в себя крестьянскую общину, которой могло противостоять только личное крестьянское хозяйство, независимое от помещика. Таким образом, отмена крепостного права означала разрушение крестьянской общины. Славянофилы, осуждая крепостные отношения, превозносили общину, не замечая этого противоречия. Не случайно провалилась реформа Столыпина, предпринятая в первой четверти XX века. Этому государственному деятелю с его сильным характером, но недостаточным знанием русской жизни не удалось создать критическую массу обособленных крестьянских дворов. Уже носившая формальный характер крестьянская община, была им окончательно добита. Удивительно, но советские колхозы стали извращенной формой общины, память о которой не умирала в народном сознании, чем и воспользовались коммунистические демагоги.

То, что судьбы русского дворянина и крестьянина крепко связаны друг с другом, сознавали не одни «крепостники». Сам Достоевский писал: «У нас добровольно, самым верхним сословием, с царской волей во главе разрушено крепостное право». По восторженной мысли писателя, крестьянская реформа сплотила все сословия. Но одобрение радикальных изменений в русской жизни дополнялось практическими наблюдениями более глубокого свойства: «Подоспело освобождение крестьян, а с ним вместе обособление нашего интеллигентного общества во всех возможных смыслах». – Таким образом, сословие, которому писатель пророчил разрушительную роль в истории России, вычленилось Достоевским из «всесословного единства». Писатель объяснял это противоречие переходным характером первых пореформенных лет, полагаясь на неистребимый инстинкт простого русского человека к справедливости и правде, который должен преодолеть все неурядицы.

Картину разрушения земледельческого мира рельефно дополнял князь Мещерский, Именно он познакомил читателей в своих воспоминаниях с именами вдохновителей и творцов крестьянской реформы 1861 года. Одно из ведущих мест в этом ряду занимал известный славянофил Ю. Самарин. «Враждебное чувство Самарина к дворянству сыграло роковую роль в разработке крестьянского вопроса», – писал князь. Рядом с ним Мещерский поставил «главных вожakov крестьянства и главных врагов дворянства»: в.к. Елену Павловну, в.к. Константина Николаевича, графа Ростовцева, князя Черкасского, будущего военного министра Н.А. Милютин, министра внутренних дел Ланского и ряд других высших особ дворянского звания. Эта партия, свидетельствовал князь, добилась разорения земельного дворянства, организовав несправедливый, насильственный выкуп земли с прекращением обязательств по залогу в опекуновском совете, также входившем в сферу влияния «либеральных дворян». Дворянский же банк, обязанный по уставу ссужать помещиков в операциях по выкупу, под ру-

ководством «красного» Картавцева способствовал коррупции и разорению дворянства. К реформе 1861г. приступили без лица, способного ее провести.

Князь Мещерский соглашался с Достоевским в оценке положения освобожденных крестьян. Посетив в 1864г. губернии Средней России, князь увидел всюду «полуразвалившиеся избенки, пьяниц, лапти, общий характер беспомощности». За год до этого он убедился в образцовом состоянии государственных крестьян Смоленской губернии, бывших в прежнем управлении, тогда как рядом помещичьи крестьяне «опускаются и слабеют». Здесь воцарилась распущенность и губительные семейные разделы («у государственных крестьян о разделах и помину не было»). Углублению беспорядков сразу после реформы способствовали сами дворяне, либеральная партия среди которых до убийства царя первого марта 1881г. все усиливалась. Но и после трагедии дворянские либералы брали если не числом, то активностью. Так повелось на Руси, что радикальные элементы при всякой возможности наступали по всему фронту, тогда как «партия порядочных людей», за немногими исключениями, под разными предлогами устранилась от острой борьбы – картина, знакомая образованной публике по периоду крушения монархии.

По словам Мещерского, сразу после 19.02.1861г. либералы принялись ослаблять правительство, «усиливая общественность в виде фантастического нового сословия – интеллигентного пролетариата». Около двух лет «дело реформы повсеместно шло поразительно хорошо», из-за того, что «лучшие люди пошли в мировые посредники» (дворянские контролеры на местах). Затем либеральные силы переломили ситуацию и, наконец, произошло то, что Мещерский назвал дворянской самоликвидацией. Князь красочно описал трусливое поведение дворян, во всем уступавших либералам в своих рядах: «Аристократическая либеральная партия требовала от правительства взамен отнятых у нее помещичьих прав политического влияния, как дворянского сословия, права голоса в политических делах... Этой горсти людей мы обязаны немедленно после освобождения введением земских учреждений... на потребность иметь говорильни». После введения земств во всех 36-ти губерниях в недолгой борьбе возобладали либералы. В 1884г. министр финансов Бунге называл дворянство «вымирающим сословием». Однако образовавшаяся из осколков разных сословий «всесветная интеллигенция», как ее называл Достоевский, не могла заместить высший слой, исторически управлявший Россией. По словам Мещерского, к началу царствования Александра III (апрель 1881г.) «почти во всех губерниях дворянство было материально разорено и духовно мертво» усилиями либералов на общественных постах и в правительстве.

Описывая группы лиц, постепенно порывавших с Россией, Достоевский выделял два типа. Оба они подпитывались бывшими помещиками-крепостниками. Уез-

жая за границу, «консерваторы» становились откровенными врагами своей родины. – «Эти странные, прямолинейные, не понимающие в текущих делах люди», выражали так свою реакцию на антидворянские процессы в России, тогда как либералы, «левые», насыщаясь в Европе социалистическими идеями, в желании перенести их на родину становились со временем русскими патриотами. Такие превращения вытекали, по мнению писателя, из противоречивых свойств русского характера. Что-то подобное происходило с Герценом, о котором Достоевский сказал, что «он родился эмигрантом». Эта классификация запутавшихся людей отражала одновременно заблуждение и веру писателя в спонтанные творческие силы русского человека. Она также свидетельствовала о предпочтении, которое Достоевский отдавал «людям будущего» перед беспомощными поклонниками безвозвратно ушедшего. Мысли о революции он упорно не допускал.

Рассуждения Достоевского о русском характере соединяют глубокий реализм со спорными оценками. В начале 1876г. он писал, сгущая собственные наблюдения: «обстоятельствами почти всей русской истории народ наш был предан разврату, постоянно соблазняем и мучим». Однако Достоевский не заглядывал вглубь истории, и осталось неясным, какой её период он считал образцовым. Обычно писатель называл временем исторического «провала» нации эпоху Петра I. Распространение этих гражданских пороков на всю историю противоречило неоднократному утверждению Достоевского о том, что «народ сохранил красоту своего образа» в его слитности с православием и с образом Христа. Это несовпадение объяснялось тем, что писатель предлагал судить русский народ не по тому, что он есть, но – чем желает стать. Его больше всего возмущало отрицание в народе «активных идеалов» в духе Авсеенко.

Обращаясь к истории, Достоевский писал о «митрополитах, боярах, князьях и земских людях, которые сделали Россию» и винил «крепостников» в двухсотлетней народной отсталости. Два века часто поминаются писателем в этой связи. Но русский характер не изменился в основных чертах со времен Древней Руси, так как характеры народов сохраняются в обозримой истории человечества. Поэтому отрицательные свойства не могли быть привиты русским даже личностью такого масштаба как Петр I.

К положительным чертам русского человека Достоевский отнёс сомнительную «коренную духовную потребность русского народа в страдании». Он хвалил и явно отрицательные свойства: «Русские люди долго и серьезно ненавидеть не умеют, и не только людей, но пороки, мрак невежества и деспотизм». Однажды Достоевский, вероятно в момент горького раздумья о чередующихся российских неурядицах, которыми была богата его эпоха, привел целый набор недостатков в характере народа, среди которых есть и вымышленные им. Он писал о «по-

зорном и жестоком в русском характере»: «Крайности – наша черта. Виновата к тому же наша бездарность... У нас ужасно мало талантов в каком бы то ни было роде, Напротив, ужасно много «золотой середины». – Это нечто трусливое, безличное, но чванное и даже зазорное... Русский человек по своей природе самый общительный и стадный человек на всем земном шаре». Подобные утверждения плохо согласовались с надеждами Достоевского на то, что «народ спасет себя сам», «в народе уничтожатся все мутные потоки» и тому подобное.

Гораздо определеннее суждения писателя о русской интеллигенции. В 1876г. он писал: «Интеллигентный русский в огромном числе... умственный пролетарий, нечто без земли под собой... международный межеумок, носимый всеми ветрами Европы... Интеллигенция не уважает себя... собственного достоинства в ней нет... Это какое-то непрерывное ощущение праздного и шатающегося по свету самолюбия, ничем не оправданного». Достоевский постоянно критиковал интеллигенцию, либералов и «верхнее сословие». Эти три категории составляли для него одно целое, противостоящее народу и насущным интересам России. Либерализм помещался в центре триады, как несущий, по мнению писателя, неисчислимыя беды России.

Достоевский одним из первых в Европе указал на интернациональную солидарность либералов. Он проследил генеалогию отечественного либерализма, который, как всякое политическое явление в России, удивлял аналитиков своими особенностями. В этой связи писатель выделил «классических» либералов-западников: Кавелина, Боткина, Грановского,... хранивших на свой лад верность России. Но когда Достоевский описывал либералов нового поколения, терпимость оставляла его. В этих лицах не было следа научной объективности и теплого чувства к своей родине. Прежде всего, писатель отмечал низкий интеллектуальный уровень «западничающей» интеллигенции: «Либерализм всесветный, атеист дешевый, над народом величается своим просвещением в пятак ценной... Либералы наши, вместо того, чтобы стать свободнее, связали себя либерализмом, как веревками». «Евреи закупают мнение либеральное», – подытоживал Достоевский, – «это всё из-за нашего незнания России, её сути и особи, её смысла и духа».

Однако его главные претензии к кровно-русскому слою: «Тяжело видеть за границей, куда вот уже двадцать лет ежегодно колонизируется наша интеллигенция... претворение чисто русского, превосходного, может быть, материала в жалкую международную дрянь, обезличенную, без характера, без народности, без отечества. Я не про отцов говорю, – отцы неисправимы, – А про их несчастных детей, которых они губят за границей». – Вот проблема «отцов и детей», которая решена Достоевским не по-тургеневски. В этой связи он осуждал сложившуюся систему педагогики, воспринявшую материализм и атеистические

идеи, заботящуюся об «облегчении» знаний, воспитывающую изнеженное юношество, боящееся строгого наказания и даже склонного к самоубийству при трудных поворотах судьбы.

Когда мысль Достоевского обращалась на русское общество в целом, его добрые пожелания заменялись трезвым анализом. Он писал не только о «шаткости высших слоев» с их цинизмом и развратом, но осуждал «дешевку и жида», власть кабака и пустующие церкви, падение деревенских нравов. – «В народе началось неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму... преклонение народа перед деньгами... стань богатым, и всё твое, и всё можешь... Началось обожание даровой наживы, наслаждения без труда». Общая картина в описании Достоевского кажется безысходной – духовенство не отвечает на вопросы народа уже давно, «организует доносы и поборы,... никчемные сельские учителя, атеизм в семьях, раннее половое воспитание... Бедность нарастает всеобщая. Купцы жалуются, что никто ничего не покупает. Фабрики сократили производство до минимума... И все-то на казну и общественное достояние зубы точат». Писатель нашел причину падения в «нравственном беспокойстве народа»: «Всякое переходное и разлагающееся состояние общества порождает лень и апатию, так как лишь немногие в такие эпохи могут ясно видеть перед собой и не сбиваться с пути. Большинство же путается, и, наконец, машет рукой... Прожить бы как-нибудь самому, а то что тут еще обязанности... Среди этих ленивых есть богатые, но бедных страшное большинство».

В 1881г. Достоевский пришел к выводу: «Нам уже невозможно сойтись с народом, если не совершится чуда в земле русской». Он предлагал интеллигенции «отойти в сторонку» и ждать, когда «народ ясно и толково сумеет свою правду сказать». Тогда, по его словам, и «большинство присоединится к премудрому слову народному». Эта надежда всё же покоилась на шатких основаниях: «Народ верит, что спасется... единением во имя Христово... Вот наш русский социализм», – вдруг заключал писатель под впечатлением этой гуляющей по свету идеи, придав ей собственный почти положительный смысл. Еще в 1873г., беседуя с одним литератором, Достоевский поразился его утверждению, что социализм в России будет непременно консервативен, то есть национален в русском духе и не атеистичен. Вероятно, ходячая идея социализма отталкивала писателя исключительно своим безбожием. Статью 1881 года, он завершил выводом: «Так как народ никогда не сделается, каким его хотят видеть наши умники, а останется самим собой, то и предвидится в будущем неминуемое и опасное столкновение». – Достоевский подразумевал схватку либералов с народом. За полтора месяца до убийства Александра II, завершившего пятилетие террора при народном безмолвии, он писал об особом, безгранично доверительном отношении народа к Царю: «Это дело вековое и никогда оно не изменится».

Напрашивается вывод, что великий писатель хранил в душе два несовпадающих образа русского народа: один – тягостно-реальный, другой – просветленно-христианский. Придавая своим размышлениям метафизическую глубину, Достоевский писал о «молодом народе» русском: «мы только начинаем жить» (согласно периодизации К.Н. Леонтьева жизненный цикл крупного государства или империи в среднем составляет полторы тысячи лет). Стойкая вера в особое предназначение русского народа – Божьего избранника, хранила писателя от мрачных выводов. Заключение, которые периодически делал в «Дневниках» Достоевский: о «временных несогласиях», «стойкости народа в своей идее», о теснейшем единении его с монархом и т.п., следует отнести к мечтательным настроениям писателя. В целом его анализы, напротив, говорят о трагическом тупике, в который зашла Россия. Еще в середине 1873г. Достоевский описал готовый революционный тип: «развратный, испытый, плюгавый фабричный парень... он уже сознательно отрицает старый порядок семьи и обычаев, он глуп и туп, но в нем какой-то энтузиазм и плотоугодие, и самый подлый, самый циничный материализм».

То, что ряд суждений писателя не вытекал из наблюдения над русской жизнью, – было следствием буквального приложения православия к политическим событиям не только в России, но во всей Европе. Если в 1861г. он писал о «легко устранимы противоречиях, не имеющих корней в почве нашей», то двадцать лет спустя Достоевский пророчил утверждение в России «самой полной гражданской свободы», полнее, чем в Северной Америке. Тут сама терминология не совпадает с образом мыслей писателя, уже познавшего плоды неуклюжего «освобождения» и описавшего его тягостные результаты на необустроенной русской почве.

Достоевский словно опасался принизить русский народ окончательным выводом из своих наблюдений. Так, он подметил удивительное свойство русских людей – быстро переходить в противоположное состояние, однако рассматривал его лишь в положительном смысле, как возможность при благоприятной перемене правления разом преодолеть анархические настроения и войти в русло порядка и дисциплины. Но таких периодов в истории России было немного. Зато обратных примеров достаточно. Как только сильный глава государства уступал место слабому, происходили либеральные реформы, бунты, революции. Сам царь был плоть от плоти русского народа, так и не сумевшего породить спасителя монархии. Интеллигенция – главный объект критики писателя, тоже возникла из народных глубин. Не с неба же она взялась.

Если Достоевский, описывая российские неурядицы, из лояльности не касался в «Дневниках» монарха и правившей верхушки, то князь Мещерский в «Воспоминаниях» смело рисовал картины разложения верхов, задевая царей, включая

благоволившего к нему Александра III. Он и попал в символы «реакции» своего времени, тогда как Достоевский удостоился звания «реакционера» уже в советское время. Мещерский заканчивал свои мемуары в 1910-11 годах, имея перед глазами роковой опыт Государственных Дум, но начал их с описания царствования Николая I, несмотря на высокую оценку самого царя, запечатлевшегося в его сознании «безудержными интендантскими и другими злоупотреблениями и полной отсталостью от Европы в вооружениях». Эпоху Александра II князь подверг беспощадной критике. «Министры жили в страхе, – писал он, – ибо знали, что Герцен имеет читателей в Зимнем Дворце».

По его замечанию масса министров и дворцовых чинов, включая ближайших родственников царя, были откровенными либералами. К ним относились: главный деятель крестьянской реформы граф Ростовцев, судебный реформатор Замятин, «нелепый и трусливый» генерал-губернатор Петербурга кн. Суворов (прямой потомок полководца), безвольный шеф III отделения кн. В.А. Долгорукий, барон Ливен... При министре внутренних дел Валуеве началась скупка за бесценок северных лесов: «Этот грабеж назывался «управлением государственным имуществом» (какая переключка с нашим временем!). Головин разрушал уваровскую систему народного образования, насаждая скептицизм и безверие. Под его покровительством всеильным стал антиправительственный «Голос» Краевского, занявший место герценовского «Колокола». В 60-70-е гг. постоянно усиливался террор. Наверху господствовали «растерянность и недоумение от страха». В интеллигентном обществе царила «мягкая атмосфера уступчивости и слабости относительно всего, что было принципом дисциплины и порядка». Опасные для будущего России «идеи национального сепаратизма прикрывались либерализмом», – писал кн. Мещерский.

В провинции дело обстояло не лучше. Например, курское дворянство, пославшее впоследствии несколько именитых лиц в Государственную Думу, интриговало и ссорилось с губернатором, а «партия порядочных людей придерживалась лозунга «моя хата с краю». Князь Мещерский объяснил происходящее: «отсутствием во дворянстве солидарной сословности и объединения для работы самосохранения после переворота 19.02.61г.». В одном из первых номеров журнала «Гражданин» (1872г.) Мещерский потребовал «покончить либеральные реформы» и тотчас был предан либеральной анафеме.

Апрельское покушение 1866г. на царя не образумило правившую верхушку. В 1873, после оправдания судом присяжных Веры Засулич, стрелявшей в генерал-губернатора Трепова, растерявшийся царь уволил его с главного поста в Петербурге по требованию «общественности». Через четыре года суд смягчил наказание революционеру-убийце Нечаеву, который тут же стал героем «революционной молодежи». В середине 70-х годов при министре внутренних дел

Потапове «враг получил громадные шансы на успех». Наконец, в 1878г. главный либерал России граф Лорис-Меликов стал диктатором с неограниченными полномочиями. «Тогда система террора проявилась в полном разгаре», – свидетельствовал Мещерский. Сенат вынес мягкий приговор 193-м разоблаченным революционерам, и большинство из них скоро вернулись в свои кружки. Затем были убиты шеф жандармов Мезенцев и харьковский губернатор кн. Кропоткин. Общество оставалось ко всему равнодушным. В 1879г. сельский учитель Соловьев стрелял в императора. Его повесили, не выявив революционную организацию, о которой подсудимый дал показания. «Газеты и чиновники продолжали действовать в духе антимонархического либерализма». Наконец, после взрывов в Москве и в Зимнем Дворце по приказу царя создали межминистерскую комиссию, которая фактически сорвала предложенную Александром II программу борьбы с крамолой. Так наверху вызревала грядущая измена царю и монархии. В 1880г. Лорис-Меликов выработал план либеральных реформ с введением конституции, говоря: «Лучше вводить революцию сверху, чем давать ей подниматься снизу».

В центре всероссийского беспорядка стоял сам царь, которого Мещерский описывал реалистично и смело. Князь считал царя добрым и мягким, не любящим углубляться в государственные дела (!), «малосведущим во внутренней жизни России и оказавшимся всецело под влиянием либералов». По словам Мещерского, Александр II «не понимал народа, и народ его не понимал». Сходным образом оценивал царя Победоносцев, назвавший его эпоху «несчастливым царствованием».

После убийства Александра II 01.03.81г. неудачи в управлении преследовали и его сына Александр III, гораздо более решительного царя. Однако и при нем не появилось ни одной крупной личности, способной эффективно противостоять сплоченной либеральной партии. Министры сменяли друг друга, но Мещерский насчитал за сорок лет лишь несколько энергичных и толковых персон, которым, однако, либеральное крыло общества не давало развернуть лучшие качества из-за их патриотических взглядов (генерал-губернаторы Берг, Варшава и Муравьев, Вильно; глава полиции П.А. Грессер). Ряд министров, в описаниях князя, не вполне соответствовал своим должностям. Министры просвещения И.Д. Делянов и граф Д.А. Толстой – «стары», министр внутренних дел Н.П. Игнатьев – «мечтатель», шеф жандармов граф Шувалов – «мало русский», министр иностранных дел Гирс – «бесцветен» и так далее. Даже набравший силу обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев – блестящий критик либеральных уклонений в политике, не дал свежих идей, которые поддержали бы самодержавие перед лицом концентрировавшихся радикальных сил. Беспристрастность этих оценок подтвердило будущее.

Правление Александра III принесло временное успокоение, но разгром революционных сил не был завершен, и преследований, соответствующих масштабу подрывной деятельности, не было. Однако эту эпоху назвали «реакцией» и «репрессивным гнетом на общество». Но уже к началу 1884г. либералы добились увольнения из сената генерала Р.А. Фаддеева (1824-83), крупного геополитика, автора знаменитых работ «Письма с Кавказа», «Вооруженные силы России» и «Письма о современном состоянии России». Эти книги переводились на иностранные языки и с увлечением читались в Европе. Фаддеева не смог отстоять сам царь, и он умер в нищете. Видного полководца, героя Восточной войны, генерал-губернатора Туркестана М.Г. Черняева (1828-98) также сняли по недоказанному обвинению в самоуправстве. Драматические события, прекратившиеся сразу после убийства царя, в конце царствования Александра III стали вновь набирать обороты, когда этот «сильный» царь исчерпал запас консерватизма, сообщавший временную прочность государственному устройству.

Решимость царя натолкнулась на те же препятствия, что и при его отце. Князь Мещерский писал: «С ранних лет службы я увидел, что самое трудное для государственного деятеля – быть русским в меру и в почете... И при Александре III его «Я» не могло переломить эту черту общества». Сам царь признавался князю: «Ничего не поделаешь, большинство в Государственном Совете либералы». Это удивительное признание означало, что самодержавная власть утратила веру в себя. Некоторое время спустя Мещерский предрек «чудовищные мятежи». Достоевский гораздо осторожнее высказывался о будущем России, хотя обладал не менее острой интуицией и как психолог мыслил глубже князя Мещерского.

Немало ценного для наших дней содержат комментарии писателя к важным мировым событиям с участием и без участия России – войне Турции со славянами и политике европейских государств, разрушительной роли Англии и деградации французского государства, важной роли Германии в мировой перспективе...

Серьезное внимание он уделял так называемому «восточному вопросу». Достоевский анализировал его с точки зрения «славянского всеединства» и как важный элемент внутриевропейской политики, постоянно выделяя ведущую роль России – главного носителя православной идеи. Писатель обратился к этой теме во второй половине 1876г., призывая помочь Черногории и Сербии в начавшейся борьбе с Турцией, несколько столетий владевшей славянскими территориями на Балканах. Описав зверства турок над мирным населением, Достоевский назвал их «дикой, гнусной мусульманской ордой, заклятой противницей цивилизации». Он писал: «Дикие элементы предъявляют претензии на власть в Турции, и еще не известно, возобладает ли светское государство в борьбе с исламом (!)... С этой подлой нацией нельзя бы, кажется, поступать по-человечески, но поступаем... Когда их обезоружат, они будут делать и продавать халаты и

мыло, как наши казанские татары». Попутно Достоевский призвал выселить татар из Крыма, опасаясь их роли форпоста враждебной идеологии (националистические настроения возникали и среди казанских татар). Оценивая эти резкие высказывания, нужно помнить, что представляла собой фанатичная Турция, уже в первой четверти XIX века подвергнувшая геноциду миллионы армян. Писатель видел выход в уничтожении халифата.

Комментируя славяно-турецкую борьбу, Достоевский знал, что сербское общество было настроено против России. «Все эти славянские отдельности... нации неопытные и жизни не знающие», – утверждал он, – со временем одумаются и оценят усилия России по добровольному объединению славянского мира на православной основе. – «Без единого огромного центра своего – России не быть славянскому согласию, исчезнут с лица земли». Однако писатель советовал не обращать внимания на нелюбовь славян и продолжать попытки объединения. Возмущаясь протестами либерального «Русского Вестника» против пропаганды православного единоверчества среди славян и внутри России, Достоевский настаивал: «русская земля принадлежит одним русским, и ни клочка в ней нет земли татарской. Татары – бывшие мучители земли русской, на этой земле пришельцы. – Теперь же мусульмане имеют больше льгот, чем русские, и сторонятся русских... Унизительно прятать от татар назначение русское». (В начале XX века М.О. Меньшиков писал: «Великому народу непристойно играть глупую роль простака, на шее которого усаживаются более ловкие собратья»).

Полемическая острота высказываний Достоевского соответствовала атмосфере воодушевления, охватившего Россию во время балканской войны. Но к спонтанности этого настроения примешивалась искусная пропаганда, значительная часть которой была инициирована либеральными органами печати. Целый ряд крупных фигур в русском мире, включая К.Н. Леонтьева и Льва Толстого, видели искусственную и вредную сторону во вмешательстве в восточноевропейские события. Князь Мещерский утверждал, что множество русских новобранцев состояло из «авантюристов и разного сброда», а консервативные «Московские Ведомости», не считавшие сербов «народом», советовали России сохранять нейтралитет. Достоевский же продолжал восхищаться тем, что он называл единением всех сословий, вставших на защиту «братьев-славян». Вдобавок ему ошибочно казалось, что события, связанные с восточной войной, приведут к тесному сплочению русского общества, ликвидации сословных перегородок и окончательному единению вокруг царя.

Проницательно оценивал Достоевский другие европейские события. Периодически объектом его критики становилась Франция, к политическому устройству которой он относился с большим скептицизмом. Деграция национальной жиз-

ни французов представлялась писателю необратимой. Это было время, когда Франция выбирала между возможностью восстановления дважды поверженной монархии и увязшей в противоречиях республикой. Парламентскую демократию в Англии он считал более органичной. Германия же занимала в описаниях Достоевского особое место из-за геополитических факторов и свойств немецкого характера.

Верный православному подходу ко всем явлениям международной жизни, писатель уверенно применял его к сфере мировой политики, постоянно возвращаясь к особой роли католицизма во Франции и предсказывая его усиление во всей Европе. На деле же не католицизм подчинил себе общественное мнение, но он сам оказался в подчинении у секулярных политических структур Европы. Это заблуждение не помешало, однако, общей глубине европейского анализа. Достоевский не верил в возможность возрождения французской монархии, признавая ее анахронизмом. Три революции за полтора столетия, привели Францию в состояние политической неустойчивости, усиленной корыстной борьбой расплывшихся партий, ни одна из которых не думала о судьбе страны. В XX веке этот скорбный для французов вывод подтвердили строгие критики демократии – от Эдуарда Дрюмона до Мориса Барреса и Дриё ла Рошеля. Дело, как известно, завершилось оккупацией Франции в 1940 году. Тогда французы плохо сражались и сомнительно вели себя следующие четыре года.

Подобное развитие событий предвидел Достоевский, писавший в 1877г.: «Вот язва Франции – от республики все устали... Трудно представить более несчастных людей, чем республиканцы и их французская республика... Все неудачи республики они всегда приписывали лишь внешним обстоятельствам, существованию узурпаторов, злопыхателей,... и они ни разу не подумали о невероятной слабости тех корней, которыми скрепляется республика с Францией и которые в сто лет не могли окрепнуть и проникнуть в нее глубже». Этими укоренившимися слабостями Достоевский объяснил поражение Франции в войне с Германией. «До тех пор, пока существует республика во Франции, – писал он, – невозможна «война возмездия». Вообразить только, что республиканцы решатся вновь объявить войну немцам!... Франция самым прозаическим образом рассчитает, где сила, и силе покорится» (!).

Имея в виду позорную сдачу Меца маршалом Мак-Магоном в 1871г. и ряд других эпизодов этой первой странной войны (так назвали историки капитуляцию Франции уже в 1940г.), Достоевский утверждал, что Франция не захотела (или не сумела) использовать военные преимущества обороняющейся стороны. Он привел слова Бисмарка: «Франция отжила свой век, эта нация разделилась внутренне и окончательно навеки, и в ней никогда уже не будет твердого, авторитетного правления и здорового, единящего национального центра». Затем

Достоевский, как будто заглянув в XX век, написал: «Францию ждет судьба Польши, и политически жить она не будет, или не будет и Германии». В определенных временных рамках так и произошло (1940-44гг.), и значение этого пятилетия далеко выходит за пределы временной оккупации, как символ судьбоносного противостояния двух государств, конечные результаты которого определит только будущее. В 1876г. Достоевский сочувственно цитировал своего собеседника: «Франция перестает быть Францией. Из французов готовится будущая бесчувственная мразь... Поколение вырождается физически, бессилеет, пакостится,... а физика тащит за собой нравственность. Это плоды царства буржуазии!».

Об общеевропейском упадке (исключая Германию), Достоевский писал: «Кавур объединил Италию, и вместо 2000-летней объединяющей мир идеи,... явилось объединенное второстепенное королевство, потерявшее всякое мировое попозволение, променявшее его на изношенное буржуазное начало». С пренебрежением отзывался писатель и об Австрии, как о стране с беспорядочно перемешанными нациями, преследующими каждая свои интересы, с Меттернихом, пытавшимся навести порядок в Европе полицейскими мерами: «Это образец всевозможных, внутри себя враждебных соединений народностей, идей... Тут и венгры, тут и славяне, тут и немцы, тут и царство жидов». (Несколько таких «Австрий» образовалось в Европе через сто с лишним лет). О малых европейских народах Достоевский писал: «Благонамеренные, честные и умеренные... ничем не сослужат человечеству: этой энергии в них нет, великого самомнения у них нет». Турцию он считал «больной страной».

В «Дневниках писателя» изначально враждебной интересам России предстает Англия – главный геополитический игрок, использующий в своих интересах противоречия континентальной Европы. «Англия – это нечто посерьезнее... Надо нам англичанам не верить», – призывал Достоевский, выделяя ведущую роль этой страны в разжигании европейских конфликтов, включая войну на Балканах. Эта мысль не потеряла актуальности. Несмотря на громадное увеличение веса США в мировой политике, Англия остается троянским конем внутри Европы.

О планах Англии «настроить против нас славян» Достоевский писал постоянно. Дело не ограничивалось подстрекательством турок к продолжению балканской войны. Английские офицеры служили в турецкой армии. Английская дипломатия и деньги работали на турок. Сан-Стефанский мир лишил Россию ожидавшихся преимуществ, как освободителя Балкан от 600-летнего турецкого господства. Премьер Англии – еврей Дизраэли – «хищный паук» (Достоевский), «заклятый враг России» (кн. Мещерский) через год после войны с турками угрожал России новой войной, предупреждая все инициативы по улучшению её между-

народного положения. По мирному договору флот остался у Турции. Царь не прислушался к требованию генерала Скобелева занять Галлиполи, препятствуя английским войскам войти в Дарданеллы. Нам досталась огромная по восточно-европейским меркам Болгария с недружественным к России населением, как награда за пролитую русскую кровь. Все попытки организовать в этой стране благосклонное к России правительство провалились. Уже при Александре III Англия подталкивала Россию к прямой оккупации Болгарии, но царь не дал втянуть себя во внутриболгарские распри.

Расстановка сил в Европе сложилась тогда не в пользу нашей страны. Униженное положение России закрепилось Берлинской встречей в верхах (1878), где она, по выражению кн. Мещерского, была «побеждена пером европейского ареопага». Ведущая роль в этих интригах вновь принадлежала Англии, которая четырьмя годами раньше сорвала конференцию по новому проекту международных отношений, предложенному русским министром иностранных дел Горчаковым. В сентябре 1877г. «Московские Ведомости», писали о фактическом создании «антирусской лиги» в составе Франции, Австрии, Южной Германии и Англии (католические Австрия и Бавария еще долго вели русофобскую линию в Европе). Достоевский в этой связи предположил возможность союза Англии, Франции, Австрии и Турции против Германии и Италии (две последние страны, занесенные им в противостоящий Германии блок, не исказили главную линию будущего противостояния!). В начале 1881г. писатель подвел итог размышлениям о коварном островном государстве: «Англии бояться – никуда не ходить!».

Особый интерес для современного политика представляют мысли Достоевского о Германии, ее исторической роли в Европе и необходимости тесного союза с Россией. Говоря об упадке Франции, он предположил появление в Европе «новой гениальной нации», способной повести за собой «западное человечество». – Писатель, несомненно, имел в виду немцев, поскольку писал не о духовном водительство, (где, по его мнению, первенствовала Россия), но – о политической организации континента. В 1876г., описывая свойства немецкого характера, Достоевский заметил: «Народ этот слишком многим может похвалиться в сравнении с какими бы то ни было нациями».

Это не было случайным суждением. Подводя итоги франко-прусской войны, Достоевский говорил о неизбежности новой окончательной войны с Францией: «Германия и Франция не могут ужиться в Европе... Еще раз спор будет не на жизнь, а на смерть... Дело это едва началось... Немцы столетие терпели всякие унижения... Они ждут своевременного момента свести с лица земли Францию, чтобы уже не беспокоиться с ней вовеки». – «Этот народ победил такого врага, который почти всех всегда побеждал... Он не мог не победить вследствие образцового устройства своей бесчисленной армии и своеобразного пересоздания её

на совершенно новых началах и, кроме того, имея такого предводителя во главе». Он имел в виду канцлера Германии Бисмарка – «единственного политика в Европе, проникающего гениальным взглядом в самую глубь фактов».

Достоевский так описал вид немецкого войска в 1871 году: «Бодрость в лицах, светлое и в то же время важное выражение взгляда! Всё это была молодежь... Удивительная военная выправка, строгий шаг, точное равнение... необыкновенная свобода, еще не виданная мной в солдате, сознательная решительность, выражавшаяся в каждом жесте... Война была народной: в солдате стоял гражданин!». Если отвлечься от морализаторства, это описание напоминает триумфальное вступление немецких войск в Париж в 1940г. (обстоятельства другие, но психология сторон та же).

Самостоятельное значение получила спорная мысль Достоевского, излагая в деталях которую, он добился неожиданного реалистического эффекта, создав жизнеспособную мифологическую конструкцию. – Такое сочетание кажущихся противоположными сторон какой-либо сложной идеи не раз проявлялось в истории европейской мысли. На примере франко-германских отношений Достоевский обрисовал схему глубинного конфликта в Европе, который, по его мнению, надолго определит её будущее. Это пример того, как из будто бы случайной посылки рождается убедительное толкование истории, не замыкающееся на прошлое, но уходящее в далекую перспективу.

Излагая свою идею, Достоевский придавал религиозный смысл европейским событиям. Он писал (1874): «Идеалы цивилизаций – западно-католической и германской различны вконец и несовместимы. Франко-прусская война была встречей католической и протестантской цивилизаций». Эта политическая формулировка сознательно не укладывалась писателем в религиозные рамки: «Задача Германии одна и прежде была, и всегда. Это её протестантство – не та единственная формула этого протестантства, которое определилось при Лютере, а всегдашнее её протестантство, всегдашний протест её против римского мира... Германский народ бился с римским миром еще во времена Арминия, затем во времена римского христианства он более чем кто-либо бился за верховную власть с новым Римом против всего, что было Римом и римской задачей, и потом против всего, что от древнего Рима перешло ко всем народам, воспринявшим от Рима его идею, его формулу и стихию, к наследникам Рима и ко всему, что составляет это наследство». «Я не религиозный протест разумею, – пояснял Достоевский, – я не останавливаюсь на временных формулах идеи древнеримской. Я беру лишь основную идею, начавшуюся еще две тысячи лет назад, и которая с тех пор не умерла, хотя постоянно перевоплощалась в разные виды и формулы. Теперь весь этот крайний западноевропейский мир (запомним эту форму-

лу), унаследовавший римское наследство, мучится родами нового перевоплощения этой унаследованной древней идеи».

«Страшная французская революция, – углублял писатель свою мысль, – в сущности, была не более чем последним видоизменением той же древнеримской формулы всемирного единения». Революцию конца XVIII века писатель поставил в ряд с римским католицизмом из-за её материалистического смысла, как воплощение «всеобщего уже равенства при участии всех и каждого в пользовании благами мира сего, какими бы они там ни оказались,... то есть отнюдь не средствами христианской цивилизации, и не останавливаясь ни перед чем». «Буржуазия выиграла для себя с 1789 года политическое главенство», – заключал Достоевский.

Это обобщение и вывело писателя на противопоставление «всемирной монархии», воплощенной, по его мнению, Древним Римом, – ясному германскому миру. – К этому следует добавить, что Священная Римская Империя Великой Германской Нации (962-1806), хотя и создана была немецкими императорами, но так и не реализовала их идею единого европейского мира, независимого от римского католицизма, который, по словам Достоевского, воплощал другую, искаженно-христианскую идею земного владычества Папы.

«При чем же тут все эти две тысячи лет была Германия?», – продолжал писатель. – «Характернейшая, существеннейшая черта этого великого, гордого и особого народа с самой первой минуты его появления в историческом мире состояла в том, что он никак не хотел соединиться в призвании своем и в своих началах с крайне-западным европейским миром, т.е. со всеми преемниками древнеримского призвания... Наконец, он протестовал самым могучим образом, введя новую форму протеста из самых духовных, стихийных основ германского мира: он провозгласил свободу исследования и воздвиг знамя Лютера. Разрыв был страшный и мировой, формула протеста нашлась и восполнилась, хотя всё еще отрицательная, хотя всё еще новое и положительное слово сказано не было, но этот народ всегда был убежден, что в состоянии представить его и повести за собой человечество».

Углубляясь в психологические основы немецкого характера, Достоевский нашел в нем то, чего не было у других европейских народов. Физиологически любой национальный характер связан с «кровью». Писатель прямо не говорил об этом, но неоднократное употребление им соответствующей лексики свидетельствует о том, что в германцах он видел субстрат «арийского мира» (его выражение!). Восхищение Достоевского немецкими качествами отличается по тону от описания свойств русского характера. Он не сводил все достоинства народов к православному идеалу. Иначе Достоевскому не понадобились бы немцы. Его мысль

синтезировала обе ведущие нации в абсолют, одной стороной которого был русское православие, другой – европейская объединительная идея, представленная Германией.

С глубоким чувством описал Достоевский становление новой Германии: «Лютерово протестантство отжило свое время давно, идея же свободного исследования давно уже была принята всемирной наукой. Огромный организм Германии почувствовал более чем кто-нибудь, что он не имеет... плоти и формы для своего выражения. Вот тогда-то в нем родилась настоящая потребность хотя бы сплотиться только наружно в единый стройный организм в виду новых грядущих фазисов его вечной борьбы с крайне-западным миром Европы». – «Тут явилась в крайне-западном мире «интернационалка»... международные сношения всех нищих мира сего, сходки, конгрессы, новые порядки, законы, – одним словом, положено по всей старой Европе основание новому status in statu, грядущему поглотить собой старый, владычествующий в крайне-западной Европе порядок мира сего» (буржуазного, – не германского и не русского по духу!).

«Тут гений Германии понял, что его задача прежде всякого дела, против воплотившегося из старой древне-католической идеи противника, закончить собственное политическое единение и, воссоздав свой политический организм, стать против своего вечного врага. Дело железом кончено, теперь предстоит его кончить духовно, существенно... Германия задумалась: «да объединился ли германский организм в одно целое, не раздроблен ли он по-прежнему, несмотря на гениальные усилия её предводителя за последние двадцать пять лет,... несмотря на франко-прусскую войну и провозглашенную после нее новую неслыханную прежде германскую империю?».

Бисмарк понимал, писал Достоевский, что «долгая привычка к политическому разъединению скажется, когда уйдет предводитель с «железной рукой», и возродиться энергия оппозиции. Явится стремление к распадению, и именно тогда на Западе оправится от удара страшный враг». – «А тут вдобавок и самый закон природы: Германия в Европе – страна срединная: как бы она ни была сильна, с одной стороны Франция, с другой Россия... русские могут догадаться, что не они нуждаются в союзе с Германией, а Германия нуждается в союзе с Россией; мало того: что зависимость от союза с Россией – роковое предназначение Германии, с франко-прусской войны особенно». Таким образом, Достоевский объединил интересы Германии и России в перспективах идеологической и культурной консолидации Европы.

Его прогнозы отличались точностью в деталях. Так, в январе 1881г. он предсказал неизбежность воссоединения Австрии с Германией (аншлюс 1938г. – памятная веха в австрийской истории). Затем Достоевский предрек: «Бисмарк, зару-

чившись итальянским союзом, пожелает раздавить папское начало в мире... Не католическую веру он гнал, а римское начало этой веры». – (Придет время, и другой канцлер Германии вместе с главой Италии поведет борьбу с этим «перевоплощением римской идеи»). К сожалению, глубокий анализ европейского мира Достоевский свел к благородной, но далекой от реальной политики идее «всемирного единения во Христе» во главе с Россией. – Папа хочет возродить всемирную монархию во главе с собой, и этому необходимо противостоять, убеждал писатель, не задумываясь о других возможностях. – Но то, что Священная Римская империя во главе с Германией не достигла тесного сближения составлявших её государств, – не должно быть причиной отказа от этой великой европейской идеи. Континентальный союз России с возрожденной Германией в удобный момент может дать новые стимулы для её реализации в иной форме.

В 1877г. Достоевский писал о мировой борьбе трех идей: католической, протестантско-германской и славянской, сводя европейскую перспективу к противоборству внутри христианства. Но когда писатель отвлеклся от религиозного морализаторства, в его голосе звучала другая, твердая нота: «Мы нужны Германии... не для минутного политического союза, а навечно. Идея воссоединенной Германии широка, величава и смотрит вглубь веков. Что Германии делить с нами? Объект её – всё западное человечество. Она себе предназначила западный мир Европы, провести в нем свое начало вместо римских и романских начал и впредь стать предводительницей его, а России она оставляет Восток. Два великих народа предназначены изменить лик мира сего». (! – Эта идея близка геополитическим конструкциям первой трети XX века – [Ван ден Брука](#), Хаусхофера, К. Шмитта...). «Дружба России с Германией нелицемерна и тверда, и будет укрепляться, чем дальше, тем больше, распространяясь постепенно в народном сознании обеих наций», – предположил Достоевский.

Князь Мещерский, относившийся к Германии с более спокойным чувством, в «Воспоминаниях» цитировал русского министра иностранных дел Гирса, передавшего князю содержание своей беседы с Бисмарком в конце 80-х годов. «Железный канцлер» сказал тогда: «Я думаю, как бы сделать славянскую Австрию и немецкую Россию». Бисмарк, конечно, не имел в виду завоевание. Это было признанием необходимости тесной связи с Россией. Он предостерегал европейские державы от нападения на славянского колосса, говоря, что Россия может быть разрушена только внутренними силами (!). В свою очередь, Мещерский назвал пропагандируемый Францией франко-русский союз для реванша за 1871 год «монструозной нелепостью» и «разрушением нашей вековой традиции добрых отношений с Германией», приведя слова Вильгельма I, сказанные перед смертью внуку – будущему императору Вильгельму II: «Люби и уважай императора Александра (III), нам лучше будет от добрых отношений с Россией». «Из

королей прусских он всех более и честней любил русских царей и Россию», – писал князь.

Определяя роль России в мировой политике, Достоевский, прежде всего, призывал к политической самостоятельности при всех событиях в Европе. Только тогда европейское общественное мнение будет уважать Россию. Вместо этого писатель видел вокруг «рабское копирование Европы»: «Страсть стать общечеловеками заставила Европу нас презирать». (Вот другое, отрицательное значение этого излюбленного Достоевским выражения). Но он, как немногие, признавал значение общей континентальной силы, скрепленной единством происхождения: «Это страшная и святая вещь – Европа!... страна святых чудес – знаете ли вы, как дороги нам эти «чудеса» и как любим и чтим мы великие племена, населяющие её, и все великое и прекрасное, совершённое ими... Европа нам почти так же дорога, как Россия; в ней всё Афетово племя», («арийский мир» по Достоевскому), – «а наша идея – объединение всех национальностей этого племени и даже гораздо дальше, до Сима и Хама». (Что не исключает главенства в ней «европейского племени»). Устраняя кажущиеся противоречия, Достоевский продолжал: «Для этого надо стать русскими прежде всего... Тогда нас сочтут за людей, а не за международную обшмыгу».

Так объясненная Достоевским любовь к Европе не мешала ему писать о «вечно агитирующей против нас европейской швали». Из контекста высказываний писателя на эту тему следует, что он подразумевал под «швалью» не одних русофобствующих английских и французских политиков («у всех в Европе родовое, кровавое презрение к славянскому племени»). Достоевский видел всё несовершенство этого «племени», когда писал: «С уничтожением мусульманского владычества может наступить в этих народах, выпрыгнувших вдруг из гнета на свободу, страшный хаос, так что не только правильная федерация между ними, но даже просто согласие – есть лишь мечта будущего».

И еще определеннее: «Никогда не было и не будет таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит... Начнут же они по освобождению свою новую жизнь с того, что выпросят себе у Европы ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. Они убедят себя, что России не обязаны ни малейшей благодарностью,... что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерна,... имея в виду расширение границ и основание великой всеславянской империи на порабощение славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени».

«Они станут упрекать Россию как страну варварскую, северного колосса мрачного, даже не чисто славянской крови». «России надо серьезно подготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности свое заразятся европейскими формами, политическими и социальными, – писал Достоевский, – Между тем эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать... Но в случае беды они все непременно обратятся к России за помощью». Писатель предрекал, что без России государственность славянских народов развалится, а «сама национальность их исчезнет в европейском океане». Одновременно Достоевский уверял в том, что «ни один славянский народ не даст никакого добавления в русскую культуру, так как они не доросли до нее... Какую же выгоду доставит России это сознание, кроме трудов, досад и вечной заботы? Ответ теперь труден и не может быть ясен», – заключал писатель анализ, относящий его надежды на «всеславянский союз» к неопределенному будущему.

Прагматизм взглядов Достоевского на внешнюю политику России охватывал и прошлое. Вопреки распространенному в то время мнению, он назвал ошибкой отказ от союза с Наполеоном, предлагавшего России «Восток», прося оставить ему Европу. – «У нас тогда было бы море, и мы могли бы даже там Англию встретить... Но мы помогли освободить Европу, и все освобожденные нами народы, еще не добив Наполеона, стали подозревать нас... Что мы добились в Европе, так ей служа? Одну ее ненависть!». Здесь Достоевский имел в виду, прежде всего, Францию с Англией. Германия была тогда раздроблена и не играла решающей роли в европейской расстановке сил. Обращает внимание то, с какой остротой писатель воспринимал появление «героических», не буржуазных по духу явлений в «крайне-западной» Европе. Наполеон не был характерным явлением для Франции. Сколько бы ни говорилось о его роли в распространении капитализма на континенте, конечные усилия великого полководца были направлены на создание европейской империи, как политической идеи, совпадающей со старинными целями германской нации. Не случайно крушение наполеоновских замыслов (1806г.) положило формальный конец Священной Римской Империи.

Достоевского отличала строгая логика видения событий сквозь все ожидания и надежды, относившиеся больше к области романтического. Характерны его наблюдения над «европейским равновесием» (1876), когда «пять волков стерегут добычу» (Константинополь и пр.), и «может случиться, что из пяти равновесных сил образуются только две». – «Россия всегда обеспечивала равновесие сил в Европе в ущерб себе, но чуть подумает о себе, – все объединяются против нее». Практические рекомендации Достоевский делал без оглядки на общественное мнение и политику дипломатов высокого ранга. Опровергая мнение Н.Я. Данилевского о том, что Константинополь должен быть открытым городом

для всех восточных народностей, он писал: «Константинополь должен быть наш, завоеван нами, русскими, у турок и остаться нашим навеки... Россия должна владеть и необходимым округом Константинополя, Босфором и проливами, должно содержать в нем войско и флот, и так должно быть еще долго, долго». Своевременное воплощение этой идеи могло повернуть геополитическую ситуацию в сторону России и отразиться на будущем Европы. Тогда силы, организовавшие впоследствии две мировые войны, получили бы дополнительные препятствия для своих планов. (В конце 1877г. писатель предсказал неизбежность «всеобщей европейской войны в ближайшем будущем». – Тридцать семь лет – небольшое расхождение по историческим меркам).

В середине 1877г. Достоевский опубликовал в «Дневнике писателя» статью с концентрированным выражением мыслей о войне от имени некоего «парадоксалиста». Иногда писатель использовал этот явно несуществующий персонаж для изложения неожиданных и спорных суждений. Весь диалог изложен в публицистическом стиле самого Достоевского. «Дикая мысль, что война есть бич для человечества, – начал «парадоксалист,- напротив, самая полезная вещь. Один только вид войны ненавистен и пагубен: это война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство, продолжаясь всегда слишком долго, и озверяет народы на целые столетия. Но политическая, международная война приносит одну пользу во всех отношениях, а потому совершенно необходима».

«Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество... Кто унывает во время войны? Напротив, все тотчас же ободряются, у всех поднят дух, и не слышно об апатии и скуке, как в обычное время... Великодушие гибнет в периоды долго мира, а вместо него являются цинизм, равнодушие, скука... Долгий мир ожесточает людей. Тогда социальный перевес переходит на сторону всего, что есть дурного и грубого, – главное, к богатству и капиталу... Остается под конец одно лицемерие. Долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат, притупляет чувства... Наука и искусство развиваются всегда в первый период после войны».

«Война их обновляет, освежает, вызывает, крепит мысли и дает толчок. Напротив, в долгий мир и наука глохнет... В искусстве то же самое: погоня за эффектом, за какой-нибудь утонченностью... Если бы не было на свете войны, искусство заглохло бы окончательно... Христианство само признаёт факт войны и пророчесствует, что меч не пройдет до кончины мира... И стоит ли теперь расковырять мечи на орала? Теперешний мир всегда и везде хуже войны, до того, что даже безнравственно становится под конец его поддерживать... Война развязывает братолюбие и соединяет народы, заставляя их взаимно уважать друг друга... Война менее обозляет, чем мир... Про материальные бедствия войны,... кто

не знает закона, по которому после войны всё как будто воскресает силами. Экономические силы страны возбуждаются в десять раз».

На вопрос Достоевского, «что получает народ от войны?» – «парадоксалист» ответил: «Именно для народа война оставляет самые лучшие и высшие последствия... Война поднимает дух народа и его сознание собственного достоинства. Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в жертве жизнью за отечество... Война есть повод уважать себя, а потому народ и любит войну. Нет, в наше время война необходима; без войны провалился бы мир, или... обратился бы в какую-то слизь, подлую слякоть, зараженную гнилыми ранами». Не найдя возражений ни на один серьезный довод «парадоксалиста», писатель заключил тему сочувственным молчанием («я, конечно, перестал спорить»).

Но вот что писал сам Достоевский по поводу царского манифеста об объявлении войны туркам: «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь «братьев-славян», измученных турками, подымаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором задохались, сидя в немощи рабства и в духовной тесноте» (те же мысли «парадоксалиста!»). Если мы будем побиты, поднимется «новый нигилизм и самооплевывание... Нет, нам нужна война и победа, с этим придет новая жизнь, а не одна только мертвая болтовня, как до сих пор!». Гимн «колоссальному народу нашему» Достоевский заключает так: «Мы непобедимы ничем в мире... Мы не Франция, которая вся в Париже, мы не Европа, которая вся зависит от своей биржевой буржуазии и от «спокойствия» своих пролетариев... Если мы захотим, то нас не победят ни жида всей Европы, ни миллионы их золота, ни миллионы их армий... Нет такой силы на всей земле».

После окончания войны с турками Достоевский дал свое определение справедливой войны: «Многие, толкующие теперь о гуманности, лишь торгуют гуманностью. А, между тем, кровь, может быть, еще больше пролилась бы без войны. В некоторых случаях, если не во всех почти, (кроме разве войн междоусобных), война есть процесс, которым именно с наименьшим пролитием крови и с наименьшей тратой сил достигается международное спокойствие и вырабатывается сколько-нибудь нормальное отношение между нациями... Уж лучше раз извлечь меч, чем страдать без срока! И чем лучше войны теперешний мир между цивилизованными нациями? Напротив, скорее мир, долгий мир зверит и ожесточает человека, а не война. Долгий мир всегда родит жестокость, ожирелый эгоизм, а главное – умственный застой».

«Считают, что долгий мир родит богатство, – но ведь лишь для десятой доли людей, а эта десятая доля, заразившись болезнями богатства, сама передает заразу и остальным девяти десятым, хотя и без богатства. Заражаются же они

развратом и цинизмом... Чувство изящного обращается в жажду капризных излишеств и ненормальностей. Страшно развивается сладострастие,... жестокость родит трусливую заботу о самообеспечении, которая... всегда в долгий мир обращается в какой-то панический страх за себя, сообщается всем слоям общества, родит страшную жажду накопления денег. Теряется вера в солидарность людей, в помощь общества, и провозглашается громко: всякий за себя и для себя». Эгоизм умерщвляет великодушие... В результате оказывается, что буржуазный мир всегда зарождает потребность войны... как жалкое следствие, но уже не из-за великой и справедливой цели, достойной великой нации, а из-за каких-нибудь жалких биржевых интересов, из-за новых рынков, нужных эксплуататорам, из-за приобретения новых рабов, необходимых обладателям золотых мешков, словом, из-за причин, свидетельствующих о капризном, болезненном состоянии национального организма».

«Это можно отнести ко всей Европе. Недаром же не проходило поколения в истории европейской без войны... Но все-таки полезной оказывается лишь та война, которая предпринимается для идеи, для высшего и великодушного принципа, (уже тогда были принципы, поважнее для России, чем освобождение «славянских братьев», – И.Б.), а не для материального интереса, не для жадного захвата, не из гордого насилия. Такие войны только сбивали нации на ложную дорогу и всегда губили их». (Завоевание турецких территорий и черноморских проливов, справедливо считал Достоевский, не относилось бы к этой категории).

Говоря о «великих принципах», писатель сообщал своим мыслям необходимую глубину, выводя их из области бытовых интересов и прямой реальности. Так, он понимал «национальную идею» как часть всеобъемлющего замысла «европейского человечества», не расходясь существенно с современными теоретиками консервативного толка. Не претендуя на новое слово в теории, Достоевский, благодаря своему неоспоримому авторитету психолога и глубокому знанию русского характера и русской жизни, подкреплял ту часть научного знания, которая уже четвертое столетие объясняет истоки и смысл существования «арийского человечества» в его теперь уже неоспоримом единстве.

В апрельском номере журнала «Гражданин» за 1877 год Достоевский поместил свою статью «Еврейский вопрос», занявшую особое место в его размышлениях на национальные темы. Синтетическое мышление писателя привело его к ряду важных обобщений. Прежде всего, он заявил о единстве еврейской нации, без различия уровней образования и религиозности. «Еврей без Бога немислим, – писал он, – мало того, не верю я и в образованных евреев-безбожников: «все они одной сути, и еще Бог знает, чего ждет мир от евреев образованных». При этом Достоевский отвел обвинение в ненависти к евреям, сделанное его корре-

спондентом. Он не считал обидным слово «жид» употребляемое им «для обозначения известной идеи: «жид, жидовщина, жидовское царство» и пр.

Затем Достоевский перешел к описанию сути вопроса: «Еврей никогда не согласится, что в крови этой нации живет бессовестная эксплуатация». – Здесь писатель единственный раз прямо назвал предполагаемую причину обособленности евреев от других народов – «кровь», как основу национального характера. Достоевский отверг абсурдное заявление автора письма о том, что «евреи нравственно чище не только других народов, но и обоготворяемого русского народа». Он опирался на факты: «Нет в целом мире народа, который бы столько жаловался на свою судьбу,... на свою приниженность и страдания. Подумаешь, не они царят в Европе, не они управляют биржами, а стало быть, политикой, внутренними делами, нравственностью государств». «Двадцать три миллиона русской трудящейся массы терпели от крепостного состояния несравненно больше еврея с его несвободой места жительства... К тому же права евреев в последние двадцать лет значительно расширились... Они явились по России в таких местах, где прежде их не видывали». Но когда царь освободил крестьян, «кто первый бросился на него, как на жертву, кто воспользовался его пороками, кто оплёл его вековечным своим золотым промыслом, кто тотчас же заметил упраздненных помещиков с той только разницей, что помещики, хоть и сильно эксплуатировали людей, но старались не разорять своих крестьян. Еврею же до истощения русской силы дела нет, взял своё и ушел».

Достоевский цитировал «Вестника Европы» и «Новое Время» (органы противоположного направления) о фактах зверской эксплуатации евреями многомиллионной массы освобожденных негров в южных штатах Америки и литовского населения, которое евреи «чуть не сгубили всё водкой». Спасли литовцев ксендзы и экономисты, устроив сельские банки, «чтобы спасти народ от процентщика-еврея, и сельские рынки, где бедная трудящаяся масса могла купить предметы первой необходимости по настоящей цене, а не по той, которую назначал еврей». Достоевский ссылался на «сто тысяч таких же и еще крупнейших фактов из истории этого всемирного племени». Возвращаясь к России, писатель говорил о снисходительном отношении русских к евреям на каторге и в солдатских казармах («у них вера такая»). Маскируя свое обширное знание соображениями корректности, он писал: «Сильная несимпатия к евреям... происходит не из племенной, не из религиозной ненависти, но происходит от других причин». (Сущность иудаизма Достоевскому была известна в отличие от простого народа, не ведавшего, что написано в «талмудах»).

Затем писатель пояснял: «Евреи живут так: выйди из народов и составь свою особь, и знай, что ты до сих пор един у Бога, остальных истреби или в рабов обрати, или эксплуатируй. Верь в победу над всем миром, верь, что все поко-

рятся тебе». Все же писатель соглашался сделать для евреев всё, что требует «человечность и христианский закон». Однако добавил, что если евреи «во всеоружии своего племенного и религиозного отчуждения, своих правил и принципов, совершенно противоположных идее, по которой всегда развивался европейский мир, потребуют совершенного уравнивания всевозможных прав с коренным населением, то получают большее, лишнее, верховное против коренного населения». «Еврей, где ни поселялся, там еще больше прикидало человечество, еще больше падал уровень образования, еще отвратительнее распространялась безысходная, бесчеловечная бедность, а с ней и отчаяние». «Вся деятельность евреев заключалась лишь в постановке коренного населения... в безвыходную от себя зависимость, пользуясь местными законами... Они всегда умели водить дружбу с теми, от кого зависел народ». «Ни одно племя по ужасному своему влиянию не могло равняться в этом смысле с евреями».

Все эти обвинения слишком серьезны, чтобы оставлять их без ответа. Но они не были опровергнуты еврейскими корреспондентами Достоевского, хотя он предоставлял им эту возможность на страницах журнала. Еще в 1873г. писатель определил перспективу «мирного завоевания» России евреями: «Настоящие, правильные капиталы возникают в стране, основываясь на её всеобщем трудовом благосостоянии, иначе могут образоваться лишь капиталы кулаков и жидов. Так и будет, если народ не опомнится, а интеллигенция не поможет ему. Если не опомнится, то весь целиком, в самое малое время очутится в руках у всевозможных жидов, и уж тут никакая община его не спасет: «будут лишь общесолидарные нищие, заложившиеся и закабалившиеся всей общиной, а жида и кулаки будут выплачивать за них бюджет. Явятся мелкие, подленькие, развратнейшие буржуа и бесконечное множество закабаленных ими нищих рабов! Жидки будут пить народную кровь и питаться развратом и унижением народным, но так как они будут оплачивать бюджет, то их же надо будет поддерживать».

Через три года Достоевский возвратился к этой теме: «Наступила эпоха всеобщего обособления... Бросились на Россию восторжествовавшие жида и жидишки иудейского и православного исповедания... Все до единого заботятся и кричат лишь о принципах, так что практика поневоле попала одним иудеям... «Лучших людей» заместил золотой мешок. Жида тут же. И народ принял их за «лучших людей».

Писатель распространил свои выводы о торжестве еврейства и на Европу, где оно «заменило многие прежние идеи своими». Он имел в виду, прежде всего, торжество «материализма» и культ богатства, которые всегда принижали человечество, но «никогда эти стремления не возводились так откровенно и поучительно в высший принцип, как в нашем XIX веке». «Теперь возводится в добродетель «безжалостность к низшим массам, падение братства, эксплуатация бо-

гатого бедным, – утверждал Достоевский. – Недаром повсеместно царят евреи на биржах,... движут капиталами... они же властители и всей международной политики». Наступает торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские и даже национальной гордости европейских народов». «Близится полное их царство, – завершал тему писатель.

В конце статьи разящий анализ Достоевского вылился в неуверенный вывод: «Но да здравствует братство!... Я окончательно стою за совершенное расширение прав евреев в формальном законодательстве и, если возможно (?), за полнейшее равенство с коренным населением». Но он тут же оговорился: да не стало бы хуже русскому мужику, «чем даже татарщина». Выразив робкую надежду на то, что теперь за евреем показать «братское чувство к русскому народу», писатель добавил: «Если высокомерие их, всегдашняя скорбная брезгливость евреев к русскому племени есть только предубеждение, «исторический нарост», а не кроется в каких-нибудь гораздо более глубоких тайнах его закона и строя. Таким образом, писатель закончил статью сомнением в еврейском «исправлении».

В августе 1880 года Достоевский опубликовал свою знаменитую «пушкинскую речь», в которой наряду с «гуманистическими» мотивами содержалось и многое другое. Важны и не утратили актуальности его мысли о народах Европы, затрагивающие этническую и даже расовую проблематику с неожиданных сторон. Как самобытный мыслитель, Достоевский в этих вопросах позволял себе выходить за рамки академической солидности, хотя уже в его время ряд крупных ученых (Деникер, Мечников, Сикорский...) разрабатывали расово-антропологические проблемы на высоком научном уровне. Гимн «всечеловеческой отзывчивости» русских, пропетый писателем в этой речи, требовал уравнивания после всего, что он написал о французах, турках, евреях и т.п. Достоевский начал речь с короткой характеристики Шекспира, давшего «всемирность, всепонятность и неисследимую глубину мировых типов человека арийского племени», чтобы затем ввести тему в широкий исторический контекст. Коснувшись глубинного духа петровской реформы, к которой он относился со смешанным чувством неприязни и одобрения, признав её неизбежность, Достоевский сказал, что русский народ «проявил готовность и склонность нашу... ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами Арийского рода. Да, назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное».

Свой «интернационализм» писатель оставлял, обращаясь к «приземленным» темам. Так по вопросу о браках он сказал: «Существует естественный закон в народах и национальностях, по которому каждый мужчина должен по преиму-

шеству искать и любить женщин в своем народе и в своей национальности... Иначе наступит разложение этого народа... У нас уже началось это пропорционально разрыву нашему с народом». Едва ли Достоевский имел в виду лишь браки между русскими. – Он настойчиво подчеркивал «племенное родство» с европейцами: «Для настоящего русского Европа и удел всего великого Арийского племени так же дороги, как и сама Россия. Эта идея, по словам писателя, «имела следы в характере нашего общения с европейскими племенами даже в государственной политике... Россия все эти два века служила Европе, может быть, гораздо более, чем самой себе».

Задача «грядущих русских людей... стремиться окончательно внести примирение в европейские противоречия», – писал он. «Братское согласие по Христову евангельскому закону» оправдывает все жертвы, понесенные русским народом во имя Европы и в пользу «славянских братьев». Всё это было не меньшей утопией, чем толстовское «ненасилие». Но в «пушкинской речи» Достоевский говорил и о презрении Европы к России, считая ее главной причиной то, что «они никак не могут нас своими назвать... турки, семиты им ближе по духу, чем мы – арийцы».

Размышления писателя об Азии демонстрировали полет творческого воображения. Приветствуя победу Скобелева над бунтовавшими текинцами, Достоевский ждал её отзвука «по всей Азии, до самых отдаленнейших её пределов. – Вот, дескать, и еще один свирепый и гордый народ Белому Царю поклонился... Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости Белого Царя и в несокрушимости меча его... У этих народов могут быть свои ханы и эмиры,... но имя Белого Царя должно стоять выше ханов и эмиров, превыше английской императрицы, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но Белый Царь есть царь и калифу». Здесь цивилизаторская миссия России представлена Достоевским в воинственном виде и противостоит вековым притязаниям, как британской короны, так и мусульманского мира, что, бесспорно, льстит национальному чувству русского патриота.

Писатель объяснял свои ожидания особенностями географического положения России: «Россия не в одной только Европе, но в Азии, русский не только европеец, но и азиат. Мало того, в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе... В грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход». Достоевский, не будучи специалистом, как генерал Фаддеев или Ю.С. Карцов, не создал научной геополитической концепции, которая бы органически сочетала европейские и азиатские элементы внешней политики России. Его суждения на эту тему нельзя считать «евразийскими» в современном смысле, так как Достоевский писал лишь о тесном политическом взаимодействии европейских государств под руководством России в возможном союзе

с Германией, не касаясь вопроса о межгосударственных структурах. Важную роль он отводил азиатским рубежам России, охраняемым на далеких подступах подчиненными или благожелательно-нейтральными народами.

В 1877г., поясняя мысль о вселенской миссии России, Достоевский писал: «Нации живут великим чувством и великой, всех единящей мыслью,... когда народ невольно признает верхних людей с ними заодно, из чего рождается национальная сила». «Всякий великий народ верит и должен верить, если он хочет долго жить, что только в нем одном заключается спасение мира, что живет он на то, чтобы стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести в согласном хоре к окончательной, всем им предназначенной цели». «Великие народы» у Достоевского – это, прежде всего, Германия и Россия. К этому типу рассуждений относится замечание писателя о «народах, не сознающих совокупное значение европейских наций» и о «неуничтожимом национальном чувстве народов, приписывающих себе главную роль в создании европейской цивилизации». Он имел в виду как малые народы (славян и не славян), так и те, которым Достоевский отказывал в будущем историческом значении, подобно итальянцам или французам. Этой логике писатель не изменял на протяжении всех «Дневников».

Исторически образованный Достоевский периодически касался европейского прошлого, не забывая, какая нация создала Священную Римскую Империю (962-1806). Древние германцы оставили глубокий отпечаток во французской, итальянской и испанской культуре, основав свои государства на землях распавшейся Римской Империи. – Остготы и лангобарды создали первые средневековые королевства в Италии, вестготы – на юге Франции и в Испании. Испанская провинция Андалузия получила название от германского племени вандалов. На территорию бывшей римской провинции Галлии переселились германские племена франков и бургундов. На поверхности истории лежат факты, подтверждающие единство происхождения ведущих европейских государств. Так, Франция, Англия и Бельгия названы по именам германских племен (франки, англ, саксы, белги). Дважды за пятьдесят лет германцы брали Рим (в 410г. – готы, в 478г. – вандалы). Всюду германские племена дали новое национальное самосознание бывшим римским провинциям. Все крупные европейские страны во времена Священной Римской Империи династически были связаны с ведущими германскими родами.

К прямым потомкам древних германцев относятся немцы, англичане, голландцы, фламандцы, датчане, исландцы, норвежцы и шведы. Северные германцы – норманны дали и нашей стране свое племенное название – «**Русь**», по которому населяющие её славянские, финно-угорские и балтские племена, ассимилировавшие пришельцев-норманнов, стали именоваться «русью», «русичами»,

«русскими». Правившая династия России после Елизаветы Петровны, последней чисто русской императрицы, наполнилась немецкой кровью, что, учитывая глубокое родство обоих нордических народов, послужило к славе русского государства.

Нужно помнить, что в средние века не одна Россия спасала Европу от нашествия восточных варваров, но также германские полководцы. В середине V века древнегерманские племена во главе с гепидами разгромили и вытеснили из Западной Европы гуннов. Императоры династии Каролингов, а затем Священной Римской Империи периодически очищали Европу от диких пришельцев. Оттон I Великий (912-73) в 955 году в битве на Лехе близ Аугсбурга победил кочевников-угров (венгров, мадьяр). Столетием раньше франкский король Карл Великий (742-814), коронованный в 800г. в Риме как император, разбил угрожавших Европе кочевников – авар.

В 1806 году, когда официально ликвидировали Священную Римскую Империю, Италия не представляла уже серьезной европейской величины, тогда как периоды германской мощи – первой и до сих пор единственной объединительницей Европы, были еще впереди. Даже сегодня в разгромленной и обесчещенной Германии сохранился потенциал немецкого характера, который может возродиться в обозримом будущем неожиданно для международных оккупантов. Таким образом, если еще возможно героическое время, оно вберет в себя все идеи, порожденные прошлым европейским величием.

Современная Достоевскому Европа была далека от состояния, с которого следовало начинать политическое сближение. Поэтому в 1881г. он советовал политикам «не вмешиваться в европейские дела», ожидая исхода распрей, когда «затрещит их политическое равновесие». «Кто, кроме отвлеченного политического доктринера, мог принимать комедию буржуазного единения, которую мы видим в Европе? – спрашивал Достоевский. – Это после двадцати конституций менее чем в столетие и без малого после десятка революций!». «Все эти парламентаризмы, все исповедуемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, жиды, – всё это рухнет в один миг и бесследно, кроме, разве, жидов, которые и тогда найдутся, как поступить, так что им даже в руку будет работа». «Будущее Европы принадлежит России», – восклицал писатель в предчувствии европейской смуты. Однако пролетарский разгром Европы, о котором писал Достоевский, не состоялся, так как социальные противоречия умерялись в ней с помощью буржуазных (мировых) войн, – «несправедливых», по его выражению, и гражданских, по своей глубинной сути, т.е. ведшихся между «арийскими» нациями, и завершавшихся всегда падением империй и тронов, а затем унижением сначала побежденных, потом победителей.

Ошибочными оказались также предположения писателя о несокрушимом единении сословий вокруг царя и невозможности революционного переворота в России – то, чего он ожидал в Европе. Воодушевленный балканскими событиями, Достоевский писал в 1876г.: «Наша нищая заурядная земля, кроме высшего слоя своего, (в этой оговорке – всё! – И.Б.) вся сплошь как один человек... Наш демос ожидает счастливое будущее... В России не может случиться демократический бунт пролетариев: наш демос доволен и, чем дальше, тем больше будет удовлетворен». Но тремя годами раньше он констатировал переход в России «теоретического социализма» в «политический», «сущность которого в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущих, несмотря на все возвещаемые цели, а затем будь что будет».

Противоречивые оценки и колебания Достоевского вызывались его верой в будущее России, как воплощении «Третьего Рима». Он считал, что провиденциальная роль страны пересилит все нездоровые явления в русском обществе, но оставлял место для неожиданных событий: «Есть такие моменты в жизни наций, когда не воля и не расчет их влекут к известным действиям, а сама судьба». Достоевского увлекала надежда на выход из тупика, в который попала Россия, с помощью героических усилий «лучших людей», которых временно, как надеялся писатель, заместил «золотой мешок». При всей любви к русскому народу он ясно видел, что спасение не придет от «косной, развратной бесчувственной массы». Так он назвал преобладающую силу в «общественности».

Достоевский противопоставил ей «высших типов, которые царят на земле... и за ними идут, когда исполняется срок, миллионы людей». «Религией, правилами цивилизаций в человечестве спасаются всегда только самые незаметные кучки, за которыми и остается победа, – писал он, – а в текущем ходе истории люди... в большинстве не имеют никакого понятия о чувстве долга, чести». Это суждение разительно отличается от его хвalebных слов в адрес русского народа, как совокупности сословий, «объединившихся вокруг царя». Оно было вызвано внимательным наблюдением за быстрыми переменами в общественной жизни России и честностью писателя, не пытавшегося согласовать противоречия в мыслях, возникавшие вслед за событиями.

Русский народ при всей самобытности подчиняется общим законам биологии и духа европейских народов. В нем также нет и никогда не было того «равенства», понятие о котором утвердилось в мире со времен французской революции 1789-92 годов. «Что такое в образованном мире равенство? – писал Достоевский в 1877г. – Ревнивое наблюдение друг за другом, чванство и зависть... Настоящее равенство говорит: «Я радуюсь, что ты умнее, талантливее, красивее меня». В 1881г. он продолжил тему: «Другой гражданин придет к Шекспиру убирать около него, вычищать комнату, выносить ненужное», чтобы облегчить

работу, на которую призван творческой гений, – но не будет при этом рабом. Эта идея о необходимости выделения ведущего слоя, на который падёт вся работа по преобразованию России, постоянно тревожила писателя. «Сколько надо настоящих граждан, чтобы не умирала в обществе гражданская доблесть?» – спрашивал он. Попробуйте соединить людей в гражданское общество с одной целью «спасти животишки»... С такой формулой никакое гражданское учреждение долго не проживет».

Будучи глубоко православным человеком, Достоевский не захотел облечь мысли о неравенстве в более резкую политическую форму, но вывод из его рассуждений ясен: энергичная, достаточно широкая группа людей, с ясным осознанием мировой миссии России, должна повести за собой страну, чтобы затем переключить усилия на приобщение к ней европейских народов. Для этого, полагал писатель, нужно приложить огромные усилия. «Энергия, труд и борьба, вот чем перерабатывается среда», – писал он еще в 1873 году.

Достоевский жил в переломное для России время. Даже «сильный» царь Александр III не смог порвать с горьким наследием отца. И для него преемственность оказалась существеннее решительного обновления политики. Самодержавная монархия в своей старой форме исчерпала все возможности для развития. Демократическая атмосфера в стране, сложившаяся с врожденными недостатками русского характера, создала мощный политический резонанс, при котором революция стала неизбежной. Если судьба русского народа неотделима от самодержавной монархии, то какой вид должна принять монархия будущего? Когда монархия в России перешла высшую точку, от которой возможно вести новый отсчет? Какой период русского самодержавия взять за образец? Есть ли в преходящих монархических формах качества, которые можно использовать в будущем? Пока не прояснены эти вопросы, выход лежит лишь в установлении национальной диктатуры. Достоевский не смог прийти к этому выводу из-за безграничной веры в исторически сложившееся русское самодержавие. Прозрения и ошибки великого писателя помогают познанию путей России в её движении к достойному будущему.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Велесова Слобода, 2008 г.